

В.А. Редькин

«ЛЮБОВЬ К БОЛГАРИИ» ВЛАДИМИРА СОКОЛОВА

Имя выдающегося русского поэта Владимира Николаевича Соколова (1928-1997) – одно из самых общепризнанных и почитаемых в русской поэзии второй половины XX века. О нем с восхищением и признательностью писали совершенно разные по взглядам и стилевым ориентациям поэты и критики: С. Чупринин и В. Кожин, А. Михайлов и В. Дементьев, Н. Рубцов и Е. Евтушенко. В его творчестве находят что-то близкое себе и почвенники, и западники, и те, кто ориентирован на фольклорные традиции и выражает ностальгические чувства, связанные с уходящей деревней, и те, кто ориентирован на современную городскую культуру.

Корни В. Соколова – в Верхневолжье. Он родился и провел детские годы в Лихославле. Чудесны его стихи о милом его сердцу городе, с которым было связано прошлое, к которому он был устремлен в будущем: «У меня в Лихославле поют петухи. / И вздымаются нежные очи коров. / Я вернусь, я приду, я подкину сенца, / Я под осень за хлеб выпью ковш до конца...» И конечно, в его творчестве нашли отражение мотивы, связанные с природой Верхневолжья.

Особое место в творчестве В. Соколова заняла тема Болгарии. Можно сказать, что эту солнечную страну он ощущал своей второй родиной. Не случайно в книге «Сюжет» его стихотворение «Лихославль – это город полей...» непосредственно примыкало к стихам «Из софийской тетради». Так уж сложилась его судьба, что в 1955 году он породнился с Болгарией, женившись на Хенриетте Христовне Поповой. Он много переводил с болгарского, писал стихи об этой стране. Жизнь его жены в 1961 году трагически оборвалась. Видимо, с этим связаны усилившиеся в его поэзии мотивы утраты, тоски по идеалу, по прошлому. Его стихотворение «Венок» стало хрестоматийным, благодаря своей искренности: «Вот мы с тобой и развенчаны. / Время писать о любви. / Русая девочка, женщина – / Плакали те соловьи». Отношение к Болгарии В. Соколова глубоко лично и сердечно. В сборнике «На солнечной стороне» (М., 1961) поэт публикует цикл «Стихи из Болгарии», состоящий из 9 стихотворений. Позже он его переименовал в «Любовь к Болгарии», заменив несколько произведений. К этому циклу тесно примыкают стихи «Из софийской тетради».

Для творчества В. Соколова свойствен политематизм. Для него важно выявить в цепи ассоциаций, чем близка ему Болгария, исторические корни единства наших стран, связи с южной славянской страной на личностном уровне любви, дружбы, своё очарование природой Балкан, своё восхищение древним славянским и современным искусством, поэзией.

Точки зрения из Болгарии на Россию, из России на Болгарию в его стихах меняются и сопрягаются. Мысленно поэт постоянно соединяет пространства России и Болгарии. «Сейчас в Москве, наверно, много снега, А здесь гремит булыжником телега...» («Копривштица»), «Софийский снег идет в Москве... Московский снег идет в Софии». («Январь»), «Здесь очень короткие зимы, Не то что в России у нас. / Поэтому неотразимы / Снега, что со мною сейчас» («Тебе обещал я деревья...») и т.д.

К одному из стихотворений в сборнике «На солнечной стороне» поэт ставит эпиграфом слова, услышанные из уст болгарина: «Страна у нас маленькая, но народ великий», - и стремится воспеть величие болгарского народа. В стихотворении «На полминуты замер поездов...» из этого сборника рисуются страдания болгарского народа в XX веке и его мужество в борьбе за свободу. Здесь акцент сделан на классовой борьбе. В 70-е годы мы подобных стихов не найдем. Особое место занимает у В. Соколова тема турецкого ига и русско-турецкой освободительной войны. В стихотворении «Дед Иван» доброе отношение болгар к России рисуется как бы на легендарном, сказочном уровне. Образ русского борца за справедливость мифологизируется: «Дед Иван, добрый дед, крепкий дед. / Нет сильней, справедливее нет. Так Россию мою нарекли / В старых сказках Болгарской земли». Надежда на «дидо Ивана» согревала болгар в годы турецкого ига, когда «полумесяц глядел сквозь туман, как турецкий кривой ятаган». Иван рисуется как огромный сказочный богатырь: «Ох и сила в могучей руке!» Сказка-мечта осуществилась: «За редутом последний редут. / Весть летела: Иваны идут! / Плевна, Шипка... Биенье сердец...»¹ Сказка продолжается и в дальнейших исторических связях России и Болгарии. Но В. Соколов – противник громкой лозунговой поэзии, и возвышенный пафос произведения он смягчает лёгким юмором, ибо многим из «русских дедов» не было еще и двадцати лет.

И все-таки в 70-е годы в цикле «Любовь к Болгарии» В. Соколов заменяет это стихотворение другим. Стихотворение «Шипка», посвященное известному болгарскому поэту Георгию Джагарову, диалогично.

В Соколов, заявляя о любви к южной природе, не может не сказать о тяге к своей Родине: «А шли в душе дожди косые, / И начинался снегопад... / Вдали от пристальной России / Любой березке был я рад». При этом характеристика России здесь, в отличие от стихов начала 60-х годов, далеко не однозначна. «Пристальный» – это не только внимательный, заботливый, чуткий, но и напряженный, настойчивый. Пристальное внимание, по Далю, это надзор. В 70-е годы у Соколова, несомненно, появилось ощущение несвободы. В то же время, как бы отвечая болгарскому поэту, Соколов подчеркивает: «Я жил в Болгарии великой, / Я как птенец её парил. / Цветы долины Казанлыка / Бургасским

¹ Соколов В.Н. На солнечной стороне. Стихи. М., 1961. С. 109.

девушкам дарил»¹. Внимание с войн, которые поэт называет «отъявленными», не принимая их всей душой, переключается на цветы и девушек. Конечно, поэт не может забыть и о жертвах русского народа: «Легли и ново, и старинно за этих девочек и птах» Официально-бравурная интонация заменяется доверительной и даже интимной.

В стихотворении «София», открывающем цикл, подчеркивается главное, что сближает друзей — чувство Родины. В первой части стихотворения встает вопрос о правильном понимании людей, разговаривающих на разных языках. Нашлась болгарская девушка, которая знает русский язык, и лирическому герою, встретившему в Софии родные березки, кажется, что никакой он не иностранец. Но любовь к Болгарии проявляется именно в том, что поэт любит близкий его душе болгарский язык:

Стихали в груди удары.

Мне часом казался миг.

Простите меня, болгары.

Я выучу ваш язык.

Он твердый язык и нежный.

В нем близкая нам душа.

На вашей земле зарубежной

Не чувствуешь рубежа. (304)

Поэту София кажется золотой и при свете солнца и при свете луны. И хотя во второй части говорится о московских снах, о каких-то спорах, но поэт как бы примиряет всех человеческой мудростью

О том, что отечество — это

Не только пространство земли.

Оно и дома и рассветы,

Что трудно оставить вдали.

Оно и родимая крыша,

И помыслы наших годин,

И все, чем живет оно, дышит,

Чем дышишь и ты, его сын. (306)

«Наверное, все мы такие - / Солдаты, певцы и сыны», - делает вывод поэт.

Историческое мышление В. Соколова проникает и в его пейзажную лирику. Так, поэтизируя болгарское жаркое горное лето и речку Тополницу, он в отсветах грозы видит прошлое страдание народа: «И речка, краса Среднегорья, / На миг показалась мне женщиной, / Припомнившей давнее горе. / И чьи-то мне слезы почудились / И в волнах - тела неживые. / И темными ордами сгрудились / Над ней облака грозвые».

¹ Соколов В.Н. Избранное: Стихи. Поэмы. М., 1989. С. 321. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

В связи с «проблемой дома» в стихах болгарского цикла В. Соколов развивает цыганскую тему. В стихотворении «Цыгане» рисуется живописная картина цыганского табора на берегу речонки Тополнице. Карты, гаданье, предсказанье судьбы — это экзотика цыганской жизни. Два мира, кочевой и оседлый, настолько отчуждены друг от друга, что болгары пугаются цыганами детей. Но это одна точка зрения. Поэт находит и другую, перекидывая мостик понимания между разными народами. А сближает их трудовая, нелёгкая для всех жизнь, природа, и красота:

Кто шатры убирал.

Кто сидел над тазами,

Молотком громычал,

Да паял, да лудил их.

Дети голые шумно

На деревья влезали,

Мух цветами сгоняли

С грустных морд лошадиных.. (310)

И все-таки у лирического героя невольно возникают вопросы: «Что их по миру гонит, / Где их родина в мире, / Как живут они, / Крова родного не зная?» «Всюду их дом», или они когда-нибудь кончат кочевать? Поэта волнует вопрос, как соединить любовь к просторам земли и любовь к собственному дому. К этой проблеме поэт возвращается в стихотворении «Самолет, воспоминание» («Из софийской тетради»). Цыганский хор летит из России на гастроли в Софию, но поэт известный романс «Я ехала домой...», и это вызывает сложные ассоциации у лирического героя, связанные с собственным домом. Он мысленно обращается к Болгарии: «Как много лет прошло в родстве без окоема. / А я все вспоминал, что все лечу домой, Что все лечу домой. / Из дома в дом. Из дома».

В. Соколов не был бы выдающимся русским поэтом, впитавшим в себя все достижения поэзии золотого и серебряного века, если бы ограничил свое восприятие Болгарии периодом освободительной войны и современностью. Подобно М. Волошину, который в горных пейзажах Крыма улавливал отголоски древности, Соколов стремится передать свое ощущение древности болгарской земли и балканской цивилизации. Особенно ярко это передается в стихотворении «Камень» («Владения камня»), где рисуются Балканские горы как место неизменной борьбы, «бесплодной тяжбы гранита» с корнями деревьев. Произведение вырастает до философского постижения бытия. Но камень — это не только косность или консервативное начало жизни, а чуждое ему воинство сосен — это не только символ развития, движения, прогресса. В камне верность традиции, основа древней культуры, а движение жизни, сама живая природа несет в себе и разрушение: Именно поэтому автору «открывается древняя область печали»:

Обломок вершины,

Развалины выступов горных

Лежат как руины

Акрополей, некогда гордых,
Цветами обвиты
Кладбищенские перекрестки –
Надгробные платы
И мемориальные доски. (312)

В стихотворении «Хотел бы я долгие годы...» поэт писал, что на милой его сердцу родине России он стремился «любить её светлые воды / И темные воды любить», то есть в метафорической форме подчеркивал свою готовность любить и светлые и темные страницы истории, быть с родиной и в минуты её радости, успеха, подъёма, и в трудные годы, может быть, кровавые, в годы испытаний. Такое же отношение у поэта к историческому бытию Болгарии.

Разрушение гор подобно разрушению памяти, в том числе, памяти о героических сражениях за освобождение Болгарии. Вводя местоимение «мы», объединяющее поэта с русским народом, поэт заостряет на внимание на том, что и русские воины пытались увековечить свои подвиги: «Как мы тесаками, / Обвалы и ливни когда-то / На них высекали / Свои поминанья и даты». Но все надписи могут быть стерты, если уж и камень не вечен. И тут же автор вновь переводит разговор от русско-турецкой войны в обобщающий исторический план: «Здесь копыя скрестили / Часы синевы и ненастий / Над гибелью стилей, Над прахом великих династий». Время преходяще, и только орел черной точкой «парит отвлеченно» над горами «ни в прахе, ни в страхе», потому что не участвует в титанической борьбе, которая идет на земле. Заканчивается произведение лирическим эпилогом, в котором автор выражает свое отношение к этой драматической борьбе жизни, устремленной к новому, и памяти о прошлом. Его мечта сложить из камней «преткновенья», составляющих основу жизни, прекрасное здание, «чтоб вечнозеленое древо с камнями дружило». Но, подобно орлу, глядя на мир с высоты «двух тысяч метров над уровнем моря и века», поэт вынужден констатировать, что «нет человеку спасения от человека». Проблемы мироздания, таким образом, сопрягаются с социальным планом.

Хотя В. Соколова критики обычно включали в «обойму» тихих лириков, поэтов большей частью деревенских, ориентированных на ценности национальной культуры, он, по сути, поэт городской. Не случайно один из своих сборников поэт назвал «Городские стихи». Большое влияние на него оказали урбанистические стихи А. Блока. Это проявилось и в стихах, посвященных Болгарии. В стихотворении «Мириадами глаз глядели...» он как бы вступает в диалог с маленьким болгарским городком. Все детали городского интерьера кажутся поэту одушевленными, и ему хочется своим словом раздвинуть дверь былого: «Мне казалось – я должен что-то / Непременно сказать ему, / Городку, всем его воротам, / Стенам, прячущимся во тьму». Но темный ночной город своими памятниками сам обращается к поэту, открываясь ему навстречу светлой памятью. Поэту открылась не одна дверь, как он хотел, а «шло преданье, громяхая всеми дверьми», «шло и в счастье своем и в гневе».

Внимание к внутреннему миру человека находит воплощение у Соколова не только в пейзажной и любовной лирике, но и в стихах об искусстве, о поэзии. Поэт утверждает идеал нравственной чистоты, искренности, гармонии с окружающим миром, стремится к естественности. Стихотворение «Копривштица» имеет два варианта. В сборнике «На солнечной стороне» - это песня о маленьком городке - яростном враге грозной Османской империи, о его жителях – людях «непокорных, рослых, гнущих запросто медь».

В 70-е годы появляется стихотворение с тем же названием, посвященное памяти великого болгарского поэта конца XIX – начала XX веков Димчо Дебелянова, который духовно близок к лирическому герою:

Я так хочу быть на него похожим
На языке и схожем, и не схожем...
Его удел был легок и тяжел. (314)

В первом стихотворении затрагивается проблема народного ремесла, народного искусства, когда национальная резьба над ставнями становится формой духовного сопротивления поработившему страну врагу. Во втором - поднимается одна из основных проблем искусства о способах и адекватности выражения художником своих впечатлений и внутреннего состояния: «Мне хорошо, но все-таки обидно, / Что не могу я сразу рассказать / О том, что вижу, и о том, что снится». Для индивидуального стиля В. Соколова вообще характерно, что ассоциации, связанные с искусством, поэзией, живописью, музыкой, проникают в образную систему поэта:

Копривштица выходит из тумана,
Как будто из старинного романа
Гравюра знаменитого письма,
Чернея на легчайшем белом фоне... (315)

И если в начале произведения звучит мотив туманности, склонности к путанице, отрешенности и самообмана, то завершается оно утверждением главной ценности искусства: искренности, чтобы было «от души».

В. Соколов во многом предвосхитил тенденцию обращения русской поэзии к традициям православной духовности, возрождение которой проявилось только в 90-е годы. Следует подчеркнуть, что уже в 60-70-е годы для поэта было характерно сопряжение тем любви, природы и веры. Образы церкви, храма, как носителей духовности, уже в то время стали сквозными образами его поэзии. Во многом это символ верности заветам предков. Так, он писал в стихотворении «Старые церкви» о временах притеснения православия в Болгарии, имея в виду, несомненно, и современную Россию:

А церкви нет-нет и рождались.
Но, чтоб сохранить высоту,
Они в глубину зарывались,
В земную, в родимую ту.

Все тревоги и беды мира поэт воспринимал как свои собственные. Ему свойственно чувство обостренной совести, умение мучиться чужими болями. Он ощущает личную ответственность за каждую слезу, пролитую ребенком на земле. Следует подчеркнуть, что преемственность помогает В. Соколову создать свой, неповторимый поэтический мир. Фольклор, достижения мировой литературы, национальная классика – это воздух, в котором парит птица его собственной поэзии. Но его отзывчивость к чужому горю – это не столько традиция Аввакума, Ф.М. Достоевского или Н.А. Некрасова, сколько общее свойство русского и болгарского национального характера.